

«ПРОЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ»: ТАБУ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. Бояркина, Н. В. Веселова, Е. А. Смолоногина, В. Л. Чертовская

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода детской литературы, которые возникают не столько при передаче собственно табуированных тем, связанных с насилием, телесностью или грубостью, сколько при описании определенных чувств и ощущений. На примере конкурсных работ Переводческого конкурса «Проза для детей», проходящего ежегодно в институте иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, авторы исследуют культурные, социальные и языковые барьеры, определяющие границы допустимого при переводе произведения для детской аудитории. В результате анализа работ трудности перевода связываются с отсутствием специального языка описания эмоционального состояния, которое часто передается путем сопоставления с физическими, природными состояниями — они более знакомы и понятны, особенно юному читателю.

Ключевые слова: современная детская литература, перевод, табуированные темы, детская языковая картина мира, читатель-ребенок, Корнелия Функе «Книгоежка»

CHILDREN'S FICTION: TABOOS IN THE TRANSLATION OF CHILDREN'S LITERATURE

A. V. Boyarkina, N. V. Veselova, E. A. Smolonogina, V. L. Chertovskaya

Abstract. The article addresses the challenges of translating children's fiction, shifting the focus from traditional concerns such as violence, body language, and rudeness to the translation of feelings and sensations. The authors examine cultural, social, and linguistic limitations in translation for children. The study is based on the submissions for the annual translator competition Children's Fiction hosted by the Institute of Foreign Languages at Herzen University. The study found that translating emotions proves difficult as original children's books lack specialized language for describing emotions. Instead, emotions are often compared to physical or natural states and phenomena, which are more easily understood by children.

Keywords: modern children's literature, translation, taboo topics, children's linguistic worldview, child reader, Der Bücherfresser by Cornelia Funke

Введение

Переводческий конкурс «Проза для детей», который вот уже несколько лет проводится в Институте иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена при поддержке Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского, преследует цель познакомить студентов, будущих переводчиков и преподавателей иностранных языков, с современной немецкой детской литературой,

а также развить у них навыки перевода художественных текстов. Фрагменты произведений для детей, выбранные для переводческого конкурса, каждый год варьируются: меняется тематика, возраст целевой аудитории, набор переводческих сложностей. И практически в каждом конкурсном задании, помимо «технических» проблем, связанных с переводом, участники сталкиваются с «неудобными» темами — подробными описаниями страха или чувств, связанных с чем-то

неприятным, табуированным. Участники конкурса не всегда могут дать себе отчет, в чем именно заключается переводческая сложность фрагмента, описывающего данные явления, но на примере многочисленных вариантов перевода можно заметить, как нелегко студентам «правильно» перевести данные фрагменты и насколько разнообразны варианты переводческих решений.

1. Современная детская немецкоязычная литература и табу

Детское чтение — важнейший этап становления личности. Оно воспитывает чувства, формирует основы правильного взаимодействия с окружающим миром, учит верности, самоотверженности, чувству долга. И в литературе, в частности немецкоязычной, мы находим немало прекрасных примеров тому — в привычных жанрах (сказках, раскрасках и историях в картинках для детей дошкольного возраста) и в относительно новых (книгах к мультфильмам, интерактивных книгах и аудиокнигах). При этом необходимо отметить важную роль семьи, когда родители ежедневно читают своим детям книги с яркими картинками, которые позволяют детям воспринимать историю не только на слух, но и визуально. Всё это позволяет знакомить ребенка с окружающим миром, а также привить привычку к самостоятельному чтению.

В книгах для читателей младшего школьного возраста в последние годы стали популярными экологические темы, которые затрагивают вопросы, связанные с животными, природой, бережным отношением к природным ресурсам. Очень востребован жанр комиксов, в которых объясняются подчас непростые темы. Для детей постарше предлагается другая тематика — семья со всеми радостями и сложностями, отношения между поколениями, болезни и уход из жизни близких, проблемы в школе — буллинг и социальное неравенство; многие с удовольствием погружаются в детективы.

В книгах для подростков растет сегмент тем для «молодых взрослых» — это и пер-

вая любовь, и гендерные отношения; широко востребован жанр фэнтези. Также поднимается вопрос детского одиночества в семье; все чаще в текстах обсуждается идея, что чтение может быть выходом из сложных ситуаций и интерес ребенка можно переключить с гаджетов на чтение историй о дружбе и взаимопомощи.

Произведения детской литературы переводят охотно. Так, в последние годы изданы переводы произведений немецких классиков (Эриха Кестнера, Михаэля Энде, Джеймса Крюса) и современных писателей (Кирстен Бойе, Андреаса Штайнхофеля, Торбена Кульмана, Корнелии Функе, Пауля Маара, Уве Тимма и др.). Многие произведения экранизированы, что порождает интерес и к книге.

Немцы считают, что с детьми необходимо говорить на «уровне глаз», то есть как с равными, с маленькими взрослыми, поэтому в детской литературе в последнее десятилетие обсуждаются такие темы, как проблемы беженцев и мигрантов, отношение к ним, военные действия в разных странах, вопросы идентичности личности, а также социальные вопросы в обществе. Эти темы неоднозначно трактуются и в «мире взрослых», поэтому дополнительные сложности возникают, если о них говорится в детских произведениях, тем более если такие «детские» тексты необходимо переводить.

Традиционно к табуированным темам в детской литературе принято относить описания вредных привычек, асоциального поведения, физиологических отклонений, проблем в семье, политических и международных отношений, ухода из жизни (Громова 2021), а также упоминания жестокости, реальной опасности, телесности (Асонова 2020). В Федеральном законе № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» дается полный перечень тем, запрещенных к упоминанию в текстах для детей разного возраста, и спектр таких тем довольно широк (Федеральный закон... 2010).

Однако в последнее время немецкоязычные авторы, например, сталкиваются с новым

явлением — темы или лексика классических детских произведений переосмысливается и подвергается серьезной переработке. Так, например, современная писательница Анке Энгельке полностью изменила сюжет в знаменитой «Заячьей школе» Альберта Сикстуса, врагом зайцев в которой вместо лиса стали фермеры. Такая трактовка старинного сюжета имела явную политическую подоплеку и вызвала настоящий скандал в обществе (Gneisinger 2024) (рис. 1).

Неоднозначно выглядит и ситуация с классическими текстами о Джиме Пуговке Михаэля Энде: все упоминания слов на букву «N» (негр) в новом издании пришлось заменить, как и иллюстрации, которые пришлось отредактировать в соответствии с новыми требованиями (Neuaufgabe 2024) (рис. 2).

Тема «Табу и перевод» вызывает устойчивый научный интерес и обычно рассматривается на материале «взрослой» художественной литературы, текстов политической

тематики (Тульнова 2019; Вильданова 2018) или эпистолярных текстов (Boyarkina 2016). В Германии эта тема на протяжении многих лет изучается в Гейдельбергском университете под руководством профессора Екатерины Лебедевой, результаты исследований публикуются в серии сборников «Ost-West-Express: Kultur und Übersetzung» (Ost-West-Express... 2024). На материале художественных текстов исследователи приходят к пониманию, что основными средствами передачи смыслов, попадающих под определенные ограничения, являются эвфемизация (сглаживание) и элиминация (опущение).

Тексты конкурса «Проза для детей», с которыми работали студенты, не содержат неприемлемых для прямого упоминания тем. Но тем не менее в них встречается описание некоторых эмоций, которое могло вызвать трудности при переводе и потребовало от конкурсантов корректировки общей переводческой стратегии.

Рис. 1. Анке Энгельке. Новая Заячья школа, 2024 (Источник: https://m.focus.de/kultur/stars/solchbloedsinn-landwirte-sind-wegen-kinderbuch-sauer-auf-anke-engelke_id_259770163.html)

Fig. 1. New Hare School by Anke Engelke, 2024 (URL: https://m.focus.de/kultur/stars/solchbloedsinn-landwirte-sind-wegen-kinderbuch-sauer-auf-anke-engelke_id_259770163.html)

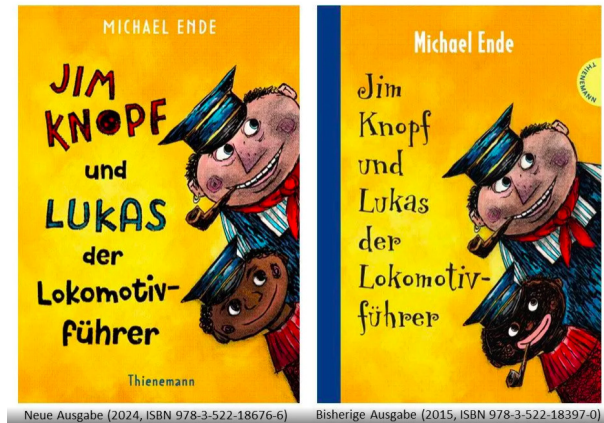

Рис. 2. Михаэль Энде. Джим Пуговка, 2024 (Источник: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/jim-knopf-von-michael-ende-thienemann-verlag-streicht-n-wort-aus-neuaufgabe-a-1fcc6242-fdff-483a-ab71-7763e31bd318>)

Fig. 2. Jim Button by Michael Ende, 2024 (URL: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/jim-knopf-von-michael-ende-thienemann-verlag-streicht-n-wort-aus-neuaufgabe-a-1fcc6242-fdff-483a-ab71-7763e31bd318>)

Настоящая статья, таким образом, ставит задачу рассмотреть данные трудности, изучить саму структуру табуированного на конкретных примерах переводов, выделив внутри него слои, подлежащие переводу и переводу не подлежащие (элиминация). Для слоев табуированного, подлежащих переводу, авторы рассматривают способы передачи содержания на русский язык, исследуя также место и частоту процесса эвфемизации в текстах конкурсантов. Основная исследовательская цель, таким образом, заключается в выявлении причин, по которым переводчики избегают передачи на другой язык той или иной лексики. Особенно важен тот факт, что авторы статьи опираются на материал начинающих переводчиков, не сформировавших до конца собственную стратегию перевода и исходящих из потенциальной возможности или невозможности перевода какого-либо слова, словосочетания или фрагмента и стоящих за ними идей текста.

2. О книге Корнелии Функе

В 2023 году начинающие переводчики работали над отрывком из книги Корнелии Функе «Книгоежка». Писательница широко известна не только в Германии, но и в мире: ее книги переведены на 50 языков, их сюжеты положены в основу 10 фильмов и 15 театральных постановок. К. Функе адресует книги прежде всего детям и подросткам, но ими нередко зачитываются и взрослые. Автору удается создать в каждом произведении — огромной чернильной тетралогии¹ для подростков или коротком рассказе для дошкольников — особый волшебный мир, соединить правду и вымысел.

Детское чтение традиционно изучается педагогами, психологами, филологами, литературоведами, библиотекарями, издателями, но иногда оно оказывается главной темой в творчестве самого детского писателя. Книга как культурный и материальный ар-

тефакт становится центром повествования, а чтение книги — предметом рефлексии. Корнелия Функе, продолжая традиции немецкой романтической эстетики, часто строит свои сюжеты на границе мечты и бытовой реальности. При этом писательница подчеркивает значимость и ценность книги не только как текста, но и как материального объекта, который можно взять в руки, спрятать в укромном месте или спрятаться там вместе с ним. Любимые герои писательницы — заядлые книгочеи. Главному герою книги «Der Bücherfresser» мальчику Стэну только предстоит стать таким книголюбом (рис. 3).

Рассказ Корнелии Функе «Книгоежка» (Funke 2020) адресован детям с четырех лет, то есть, вероятнее всего, будет прочитан ребенку вслух. Эта книга для начинающих читателей должна помочь детям и взрослым лучше понять друг друга и осознать, что, как бы стремительно не менялся мир, какие бы события в нем ни происходили, главное — оставаться в нем настоящим человеком.

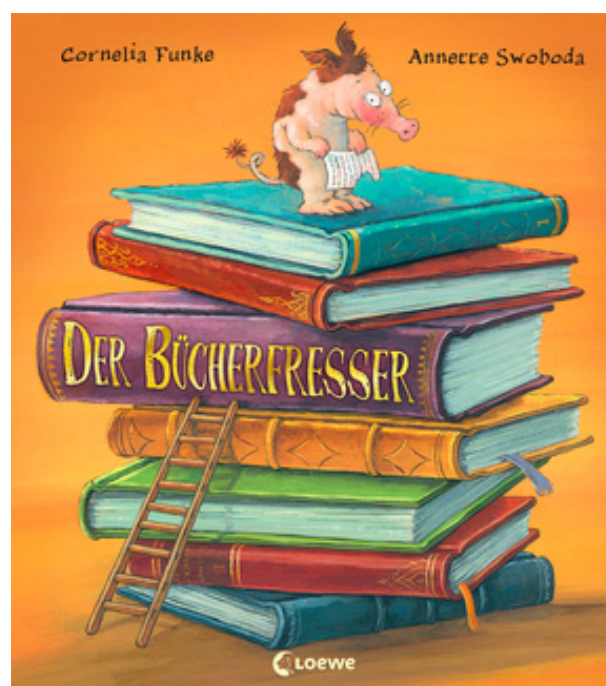

Рис. 3. Корнелия Функе. Книгоежка, 2020 (Funke 2020)

Fig. 3. Bookworm by Cornelia Funke, 2020 (Funke 2020)

¹ Презентация четвертой части «Tintenwelt 4. Die Farbe der Rache» состоялась 18 февраля 2024 года в Гамбурге.

К. Функе не сразу пришла к писательству: она успела поработать воспитателем, занималась проблемами детей-инвалидов, а карьеру в мире книг начинала как иллюстратор. Это бесценный опыт для автора, пишущего для самых маленьких читателей: картинки в книге привлекают ребенка и помогают ему лучше понять смысл прочитанного. Книги, читаемые детям вслух, объединяют ребенка и взрослого не только в момент чтения, но и поддерживают эту эмоциональную и духовную близость после завершения чтения. К сожалению, родители Стэна чаще были заняты своими делами, а книги с ним читал дедушка.

Книги, развивая фантазию, раздвигают границы детской комнаты, помогают детям пережить детство, позволяют им выйти за пределы повседневной жизни и познакомиться с другими мирами. Неслучайно к детям, чувствующим недостаток внимания и понимания со стороны взрослых, прилетает Карлсон, их лучшими друзьями становятся кот Матроскин и собака Шарик или они открывают ящик и находят в нем говорящего зверька.

На основе заглавия «Der Bücherfresser» автор строит целую историю, из стереотипа «книголюб как пожиратель книг» рождается не только главный персонаж, но и весь сюжет, поэтому так важно при переводе точно передать все смыслы и культурные коннотации и не сделать заглавие при этом слишком громоздким, вульгарным или просторечно-грубым, что недопустимо в детской книге.

Среди вариантов, предложенных участниками конкурса («Книгоед», «Пожиратель книг», «Поедатель книг», «Книжный обжора»), самым подходящим оказался перевод «Книгоежка» как наиболее точный, выразительный, короткий и соответствующий иллюстрациям. Книгоежка — это пушистый зверек, напоминающий морскую свинку, питается книгами и пересказывает истории из них мальчику Стэну.

Дедушка Стэна умирает, оставляя в наследство двадцать три коробки книг, старое одеяло и деревянный ящик с запиской для внука. Мальчик не любит читать, но ему, в отличие от родителей, жалко расставаться с де-

душкиными книгами. После короткой семейной дискуссии о судьбе бумажных книг все дедушкино наследство оказывается на чердаке. Стэн забирается на чердак, открывает ящик и достает из него говорящую свинку (ein pelziges Etwas, Plüschding, Pelzschwein). Книгоежка (Bücherfresser) рассказывает мальчику, что дедушка читал три книги в день (намек на трехразовое питание?) и был настоящим книгоежкой, пока у него не ухудшилось зрение и он уже не мог больше читать сам. Тогда дедушка начал кормить книгами книгоежку, а тот в благодарность пересказывал «проглоченные» истории.

Стэн устраивает на чердаке из книг и одеяла книжное логово (Bücherhöhle) и решает прочитать все дедушкины книги. Книгоежка помогает мальчику. Оказывается, книги можно не только читать глазами и слушать, но и пожирать (fressen), жадно глотать (verschlingen), съесть без остатка (vertilgen), переваривать (verdauen), можно понюхать и ощутить запах приключений или кисло-сладкий вкус радости и грусти (Das riecht abenteuerlich, trauerlustig, süß und sauer), отгрызть кусочек для пробы (anknabbern), чтобы вызвать аппетит (sich Appetit holen) или наесться досыта (sattessen). Перед тем как проглотить, книгу можно подержать в руках и получить чудесные тактильные ощущения: «Ein knackigknuspriges!» — «С хрю-хрю-хрюстящей корочкой!». Но пережить приключения и насладиться увлекательными историями могут только те, кто читает или слушает книги.

Метафорическое заглавие оживает, наполняется конкретным действием и чувственными переживаниями, стирая грань между реальностью и фантазией. В треугольнике «автор — персонаж — читатель» взаимодействие между персонажем и читателем по воле автора обретает абсолютно новую форму коммуникации и новые смыслы. Выдуманная автором форма чтения — найти и съесть самую вкусную книгу, а потом послушать увлекательный пересказ — напоминает нам прослушивание аудиокниг и подкастов, обработку и визуализацию сложных данных интуитивно понятным и удобным способом.

Бумажная книга была важной частью жизни дедушки и обладала особой ценностью. Именно книги и любовь к ним хотел оставить дедушка в наследство внуку.

Один из главных вопросов в начале XXI века остается — хранить или не хранить бумажные книги в доме? К сожалению, за ним часто скрывается другой вопрос: читать или не читать? Книжные шкафы сегодня больше не актуальны, домашние библиотеки — не предмет гордости, лишь в немногих семьях, где сохранилась преемственность культуры поколений, библиотеки переходят от родителей к детям и внукам. Чтение из области высокой культуры перемещается в область повседневности, сегодня читают больше с прагматической целью или для того, чтобы отвлечься, отдохнуть, получить удовольствие. Кроме того, бумажной книге приходится конкурировать не только с электронной книгой как новым носителем текстовой информации, но и с многочисленными артефактами визуальной и аудиовизуальной культуры: блоги и видеоблоги, компьютерные игры, фильмы, сериалы, социальные сети, мультимедиа.

Сегодня еще невозможно предположить, что бумажная книга окончательно уйдет в историю и станет культурным памятником, каким уже давно являются глиняная табличка, свиток или рукописная книга. Сегодня мы еще говорим о сосуществовании электронной и бумажной книги в нашей жизни. Но в отдельно взятой семье все чаще возникает спор: что делать с книгами, доставшимися в наследство или собранными за годы учебы и работы? Этот спор слышат дети и делают выводы.

Американский нейробиолог Марианна Вулф, изучавшая воздействие чтения на устройство человеческого мозга, отмечает, что чтение способно трансформировать мозг: «Мы есть то, что мы читаем» (Вулф 2020, 15). При этом чтение, отмечает исследовательница, не имеет генетической программы и не передается от поколения к поколению, то есть полностью зависит от опыта и практики, которые нужно формировать.

В главе «Как юный мозг учится читать и как мы меняемся на протяжении жизни» Вулф объединяет историю письма у человеческого вида и развитие чтения у ребенка. Человечеству, чтобы совершить когнитивный прорыв и научиться читать с использованием алфавита, потребовалось примерно 2000 лет. Ребенку, чтобы не просто научиться складывать из букв слова, но и проникнуть в суть печатного слова, овладеть навыком чтения, придется затратить 2000 часов. Каждый человек в детстве, в каждом поколении вынужден сам проделывать эту огромную работу. И вот эти двадцать три коробки книг с Книгоежкой в придачу должны облегчить Стэну эту задачу и сделать его настоящим читателем, «одним из наших».

3. Проблемы перевода

В завершение дискуссии о судьбе бумажной книги в современном обществе и в качестве иллюстрации рассмотрим отрывок из текста и его перевод участниками конкурса. Это письмо умершего дедушки, адресованное Стэну:

Hallo Sten! Ich weiß, du magst keine Bücher. Hoffentlich hast du meine trotzdem vor eurem Ofen gerettet, Für das, was in der Kiste steht, wirst du sie nämlich brauchen. Bis irgendwann in einem anderen Leben, Opa.

Привет, Стэн! Знаю, что книги ты не любишь, но все-таки спас их от вашей печки. Они тебе очень пригодятся, когда откроешь этот ящик. До встречи в следующей жизни. Дедушка (перевод авторов).

Здесь мы имеем пример прямого включения в текст рассказа текста письма, который можно подробно проанализировать даже в рамках статьи. Предложим наш вариант перевода и обозначим некоторые трудности. Прежде всего, это письмо «с того света», где дедушка обещает когда-нибудь встретиться с внуком, «в другой жизни». Книгоежку еще никто не видел, дедушка держит интригу и не называет прямо того, кто прячется

в ящике, только намекает, что книги будут нужны. Переводчику необходимо как-то обозначить, но при этом не выдать раньше времени спрятанного зверька, а также точно и коротко передать двумя фразами, как хорошо дедушка знал свою семью: книги захотят сжечь в печке, но внук, который не любит читать, их спасет. И главное — дедушка после своего ухода хочет поддержать Стэна, утешить и развлечь, найти ему занятие, ведь мальчику бывает часто одиноко в семье, а без дедушки будет совсем грустно.

Из 25 работ, присланных на конкурс, приведем несколько в качестве примера перевода текста в тексте (здесь и далее оригинальные орфография и пунктуация сохранены):

1. *Привет, Стен! Знаю, книги ты не любишь. Но надеюсь, что мои от гибели в печи ты все же спас. Видишь ли, они понадобятся тебе для того, что спрятано в ящике. Когда-нибудь увидимся — возможно, в следующей жизни. Твой дедушка.*

2. *Здравствуй, Стэн! Я знаю, что ты не любишь книги. Но надеюсь, что ты все же спас мои от вашей печки. Они тебе непременно пригодятся для того, что ты найдешь в этом ящике.*

*До встречи когда-нибудь в другой жизни,
Дедушка*

3. *Привет, Стэн! Я знаю, ты не любишь читать. Но все же надеюсь, что ты спас мои книги от печи. То, что прячется в ящике, точно тебе пригодится.*

*До встречи там, в другой жизни,
Дедушка*

4. *Привет, Стен! Я знаю, что книги тебе не по душе. Но, надеюсь, ты уберег их от вашей печки. Они как раз понадобятся для того, что спрятано в сундучке. До встречи когда-нибудь в другой жизни, дед*

5. *Здравствуй, Стэн! Знаю, ты не любишь книги. Но все же надеюсь, ты не дал их сжечь. Ведь они тебе понадобятся для*

того, что находится в этом ящике. Увидимся в другой жизни. С любовью, дедушка

6. *Здравствуй, Стен! Я знаю, ты не любишь книги. Надеюсь, что ты все равно спас их от сожжения в печке. Они понадобятся тебе для того, что спрятано в коробке. До встречи в другой жизни, дедушка.*

7. *Привет, Стэн! Я знаю, что ты не любишь книги. Но надеюсь, мои ты все-таки спас от участи сгореть в печи. Ведь для содержимого этого ящика они тебе еще понадобятся. До встречи когда-нибудь в следующей жизни, дедушка.*

Все предложенные варианты можно назвать удачными, но обращает на себя внимание повторяющаяся, даже в хороших переводах, ошибка согласования: «для того, что». Ведь скоро выяснится, что дедушка там спрятал говорящего зверька, и было бы логичнее сказать «для того, кто». Еще одна загадка от дедушки.

Расхождения в переводах начинаются уже с первой фразы, но в русской языковой традиции начинать письмо с приветствия «Здравствуй!» вполне допустимо. Сложнее оказалось выбрать формулу прощания, так как письмо особенное и общепринятой формулы прощания просто не существует, отсюда такое разнообразие вариантов перевода и синтаксического оформления:

Когда-нибудь увидимся — возможно, в следующей жизни. Твой дедушка.

*До встречи когда-нибудь в другой жизни,
дед*

*Увидимся в другой жизни. С любовью,
дедушка*

До встречи когда-нибудь в следующей жизни, дедушка.

Стоит отметить, что в большинстве отрывков трудность для начинающих переводчиков представлял именно синтаксис, в переводе он иногда оказывался запутаннее и труднее, чем в оригинале:

Видишь ли, они понадобятся тебе для того, что спрятано в ящичке.

Ведь они тебе понадобятся для того, что находится в этом ящичке.

Они тебе непременно пригодятся для того, что ты найдешь в этом ящичке.

Они понадобятся тебе для того, что спрятано в коробке.

Ведь для содержимого этого ящичка они тебе еще понадобятся.

Они как раз понадобятся для того, что спрятано в сундучке.

Это письмо еще раз напоминает Стэну о смерти дедушки и ставит вопрос о допустимости знакомства с этой книгой дошкольников.

Тема смерти всегда присутствовала в литературе, в том числе детской и подростковой: гибель пионеров героев в советской литературе, книги о Муму и Белом Биме с Черным Ухом. В немецкой детской литературе погибают или подвергаются разнообразным страданиям в воспитательных целях герои сборника про Степку-Растрепку (Struwelpeter) Генриха Гофмана.

Большинство детей приобретают представления о смерти и пытаются как-то осмыслить внутри себя этот факт в возрасте 4–7 лет. Узнать о смерти дети могут, даже если в их близком окружении никто не умер, через контакты с миром природы, общением со сверстниками, из фильмов и книг.

Под запретом, по мнению исследовательницы детского чтения Е. Асоновой, чаще всего оказывались «проживание горя, принятие потери, сама возможность говорить с ребенком не о факте смерти, а о жизни тех, кто остался, о чувствах и эмоциях, которые они испытывают в связи с потерей» (Асонова 2020). В книгах для самых маленьких читателей опыт переживания смерти до сих пор табуированная тема, а ведь именно совместное чтение книг может помочь детям и взрослым пережить опыт столкновения со смертью, обсудить его, а не замалчивать. Переводная литература, в которой эти темы поднимаются уже давно, может стать для

русского читателя «зоной ближайшего развития» и помочь вывести эту сложную тему из списка запретных.

4. Эмоции и чувства как двойное табу для переводчика

В современной российской культуре публичное проявление эмоций не приветствуется, хотя оно возможно. Эмоциональные проявления считаются уместными в основном для детей и подростков, что значительно облегчает перевод детской литературы и позволяет переводчику точнее следовать оригиналу. Принципиальное значение имеет сам характер демонстрируемых другим эмоцией и пол того, кто их проявляет.

Главный герой произведения К. Функе — мальчик, а спектр одобряемых обществом эмоциональных проявлений для мальчиков и мужчин особенно узок, например недопустимо плакать на публике. Если слезы и возможны, то как раз в такой обстановке, как в произведении К. Функе: Стэн прячется один на чердаке, он скучает по деду, которого недавно потерял, ему становится грустно, и он смахивает наворачнувшиеся на глаза слезы рукавом, сразу же переходя к делу — содержимому ящичка деда. В оригинале мы читаем: «Sten wurde ganz kalt vor Traurigkeit», и дальше — «Sten fuhr sich mit dem Ärmel über die Augen».

Участники конкурса перевода детской литературы на немецком языке РГПУ им. А. И. Герцена 2023 года по-разному справляются с передачей эмоционального состояния главного героя, даже такого несложного, очень понятного каждому и доступного для понимания ребенку и подростку. Простота и краткость формулировок оригинала также не облегчает конкурсантам задачу. Рассмотрим несколько вариантов перевода подробнее (здесь и далее оригинальные орфография и пунктуация сохранены):

1. Стэну стало вдруг так холодно от печали. <...> Стэн вытер слезы рукавом.

2. Стэн, весь продрогший от холода грусти, провел рукой по глазам...

3. Стэну стало очень грустно. <...> Стэн вытер слезы рукавом.

4. *Холодная тоска окутала Стэна. Он неподвижно сидел на полу, и только дождь стучал по крыше. Стэн протер рукавом глаза...*

5. *Стэна охватила щемящая тоска. <...> Стэн вытер подступившие слезы...*

6. *Стен похолодел от печали. <...> Стен протер глаза рукавом...*

7. *Стен весь похолодел внутри от грусти. <...> Стен провел рукавом по глазам.*

8. *От грусти у Стена внутри все похолодело. <...> Стен вытер рукавом глаза.*

9. *От грусти Стену стало холодно. <...> Стен вытер слезы рукавом.*

10. *Охваченный печалью, Стен протер глаза рукавом...*

Варианты 3, 5 можно считать удачными, конкурсанты выбирают структуры и фразы, традиционно используемые в русском языке для передачи состояния грусти, тоски. При этом в варианте 3 утрачена сема «холод, холодный», связанная с печалью в немецкой лингвокультуре и непосредственно в данном предложении — «*kalt vor Traurigkeit*». В варианте под номером 5 конкурсант заметил этот холод внутри, сопровождающий грусть, и подобрал компенсирующий вариант, заменив невозможный в русской фразе в данном контексте холод на боль и давление внутри: «*щемящая тоска*». Данный ход представляется удачным, поскольку и холод, и боль (*когда щемит внутри*) являются физическими ощущениями, спутниками определенных отрицательных эмоций.

Авторским, индивидуальным с точки зрения лексической сочетаемости, но все же удачным можно считать 2-й вариант (*Стен, весь продрогший от холода грусти...*). Здесь конкурсант дает своего рода синестезию, описывая грусть в физических параметрах и, таким образом, измеряя ее глубину: холод грусти. Данная метафора поддерживается причастием «*продрогший*», за счет этого конкурсант выстраивает целостный образ и показывает читателю состояние героя.

Вариант под номером 4 (*холодная тоска окутала Стэна*) сближает текст с поэтическим текстом, в котором чувства персонажируются и либо живут самостоятельной жизнью, либо захватывают все существо

лирического героя, как в данном примере. Главное действующее лицо, «холодная тоска», «окутала» Стэна. Стилевой регистр в данном варианте несколько повышен, по сравнению с оригиналом, где мы видим простое и обычное, бытовое описание состояния без его поэтизации. Вариант 10 закладывает описание состояния героя в причастный оборот, с которого начинается предложение, что также больше характерно для поэтического текста: «*Охваченный печалью, Стен...*»

Варианты 1 (*Стену стало вдруг так холодно от печали*), 6 (*Стен похолодел от печали*) и 9 (*от грусти Стену стало холодно*) похожи, здесь эмоция вызывает определенное физическое состояние, и мы получаем буквально подстрочник оригинальной немецкой фразы. Однако в нашей картине мира холодеют скорее от ужаса, страха или испуга. Близки к этим вариантам версии под номерами 7 (*Стен весь похолодел внутри от грусти*) и 8 (*от грусти у Стена внутри все похолодело*). Автор 8-го варианта имеет читательский опыт и дает традиционную сочетаемость к глаголу: «*все похолодело от...*». Однако и здесь источником холода является грусть, что нетипично для нашей культуры. Автор 7-го варианта понимает, что исходную немецкую фразу нельзя перевести на русский язык буквально, и пытается перевести физиологическую реакцию на уровень движения души при помощи локализации эмоции в ней: «*весь*», «*внутри*». Снаружи герою от печали и грусти не может стать холодно, а внутри — может, по задумке конкурсанта.

После того, как подходящий вариант перевода подобран, переводчику детской литературы необходимо сделать следующий шаг — убедиться, что юный читатель будет в состоянии понять построенную им фразу и увидеть за ней состояние героя. С этой точки зрения варианты 2, 4 и 10 более сложны для восприятия, чем все остальные. Они требуют большей читательской подготовки, большего опыта.

Если проявлять чувства и эмоции в культуре не всегда возможно, называть и описывать их становится труднее. Предложенная конкурсантам достаточно простая фраза,

содержащая описание эмоции, становится для них настоящим вызовом, о чем говорит разнообразие вариантов перевода. Очень понятным кажется желание проигнорировать такое описание при переводе и/или максимально сократить и упростить его. Табу на проявление чувств и эмоций неизбежно табуирует их описание при помощи средств языка.

5. Неопределенность как переводческая проблема

Еще одно табу при переводе — прямой перевод. Он очень часто невозможен, переводчику необходимо ориентироваться на контекст фразы, иногда достаточно широкий.

В произведении К. Функе есть фраза, смысл которой становится понятен только после анализа контекста: «*Bist du auch einer?*»). Эта фраза — вопрос одного из героев, пушистой свинки, о том, любит ли Стэн читать (проглатывать книги), как его дед и она сама, только что «проглотившая» интересный приключенческий роман. Таким образом, свинка пытается установить контакт с главным героем и выяснить, есть ли у них что-то общее.

Сразу приведем варианты перевода конкурсантов:

1. *Ты тоже такой?*
2. *Ты тоже один из них?*
3. *Ты тоже один из нас?*
4. *Ты тоже любишь это дело?*
5. *Ты такой же, как мы?*

Неопределенное местоимение «*einer*» имеет в структуре своего значения сему количества, то есть указывает на то, что речь идет об одном неопределенном предмете или лице. В вариантах 2, 3 мы ее наблюдаем: «один из». Наверное, данная конструкция русского языка максимально близка по значению к данному местоимению. То, что следует за ней, определяет глубину интерпретации содержания произведения конкурсантом. Один из них или один из нас? На первый взгляд разница невелика. Однако сюжетная линия произведения выстроена на сходстве героев: дедушки, внука и свинки. Потому дедушка оставляет такое необычное наследство именно внуку. Свинка, перед тем как задать свой вопрос, в бук-

вальном смысле поедает книги, оставляя от них лишь клочки бумаги. Так раскрывается метафора про любителей чтения, которые «глотают книги». В таком контексте вопрос «Ты тоже один из нас?» кажется более логичным, он сближает персонажей.

Верную интерпретацию сюжета мы находим и в вариантах 1 (*Ты тоже такой?*), 4 (*Ты тоже любишь это дело?*) и 5 (*Ты такой же, как мы?*). Вариант 1 создает связь между персонажами при помощи слова «тоже», хотя само местоимение здесь замещено на «такой». «Такой» дает читателю возможность многомерной интерпретации: какой такой? И одновременно помогает описать то, что в оригинале не называется. Вариант 4 показывает, как еще можно передать в переводе не слишком прозрачную фразу оригинала. «Это дело» здесь сужает возможность читательской интерпретации, читатель видит, что основа для сравнения двух героев — некое действие, и без труда догадывается, что речь идет о чтении. Вариант под номером 5 предлагает «мы» вместо «нас» в конструкции, сближающей героев: «такой же, как мы».

Таким образом, вариант 2 (Ты тоже один из них?) является менее удачными, поскольку не поддерживает созданную в произведении связь между героями. И разрушается данная связь благодаря переводу одного слова — неопределенного местоимения, которое нельзя взять и просто перевести.

Выводы

Авторы статьи на примерах переводов участников конкурса постарались продемонстрировать трудности перевода фрагментов текста, связанных с описанием эмоционального состояния героев. Сами по себе эмоции сложны для описания на любом языке, поскольку плохо и не до конца осознаются их границы теми, кто их испытывает. Для эмоций также не существует специального языка описания, эмоциональное состояние часто передается путем сопоставления с физическими, природными состояниями, которые более знакомы и понятны, особенно юному читателю. К тому же проблему передачи

и перевода эмоций значительно усложняет определенная табуированность, налагаемая на их проявление. Эти факторы приводят к тому, что перевод описаний эмоций героев становится авторским: мы наблюдаем большое разнообразие переводческих решений у конкурсантов, имеющих небольшой опыт перевода и пока не выработавших собственных стратегий в работе над текстом перевода.

ИСТОЧНИКИ

Funke, C. (2020) *Der Bücherfresser*. Bindlach: Loewe Verlag, 32 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асонова, Е. А. (2020) Табу или не табу — вот в чем вопрос! *Детские чтения*, т. 17, № 1, с. 320–333. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-1-17-320-333>

Вильданова, Г. А. (2018) Прагматическая адаптация культурно табуируемых смыслов в переводе. В кн.: Р. З. Валеева (ред.). *Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества. Материалы V международной научно-практической конференции*. Казань: Изд-во Казанского государственного университета культуры и искусств, с. 294–298.

Вулф, М. (2020) *Пруст и кальмар. Нейробиология чтения*. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 384 с.

Громова, М. М. (2021) Самоцензура переводчика детской литературы (на примере «Волшебной книги полезных трав» Полонцы Ковач). *Филологические заметки*, т. 19, № 1, с. 164–180. <https://doi.org/10.17072/1857-6060-2021-19-1-164-180>

Тульнова, М. А. (2019) Детабуизация в художественной литературе и перевод в контексте глобализации. *Россия и Запад: диалог культур*, № 21, с. 51–55.

Федеральный закон от 24 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». (2010) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102144583> (дата обращения 27.09.2024).

Boyarkina, A. (2016) Tabu bei den Übersetzungen von Mozarts Briefen ins Russische. In: J. Lebedewa (ed.). *Tabu und Übersetzung*. Berlin: Frank & Timme GmbH Publ., pp. 187–194.

Gneisinger, E. (2024) “Solch Blödsinn” — Landwirte sauer auf Anke Engelke wegen neuem Kinderbuch. [Online]. Available at: https://m.focus.de/kultur/stars/solch-bloedsinn-landwirte-sind-wegen-kinderbuch-sauer-auf-anke-engelke_id_259770163.html (accessed 27.09.2024).

Verlag streicht N-Wort aus «Jim Knopf»-Büchern. (2024) *Spiegel Kultur*. [Online]. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/jim-knopf-von-michael-ende-thienemann-verlag-streicht-n-wort-aus-neuaufgabe-a-1fcc6242-fdff-483a-ab71-7763e31bd318> (accessed 27.09.2024).

Ost-West-Express. Kultur und Übersetzung. (2024) [Online]. Available at: https://www.frank-timme.de/de/programm/reihe/ost-west-express-kultur_und_uebersetzung (accessed 27.09.2024).

SOURCES

Funke, C. (2020) *Der Bücherfresser*. Bindlach: Loewe Verlag, 32 p.

REFERENCES

Asonova, E. A. (2020) Tabu ili ne tabu — vot v chem vopros! *Detskie chteniya*, t. 17, № 1, s. 320–333. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-1-17-320-333>

Vil'danova, G. A. (2018) Pragmaticheskaya adaptatsiya kul'turno tabuiruemyykh smyslov v perevode. V kn.: R. Z. Valeeva (red.). *Problemy i perspektivy razvitiya mnogourovnevoj yazykovoj podgotovki v usloviyakh polikul'turnogo obshchestva. Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, s. 294–298.

Vulf, M. (2020) *Prust i kal'mar. Nejrobiologiya chteniya*. M.: KoLibri; Azbuka-Attikus, 384 s.

Gromova, M. M. (2021) Samotsenzura perevodchika detskoj literatury (na primere “Volshebnoj knigi poleznykh trav” Polontsy Kovach). *Filologicheskie zametki*, t. 19, № 1, s. 164–180. <https://doi.org/10.17072/1857-6060-2021-19-1-164-180>

Tul'nova, M. A. (2019) Detabuizatsiya v khudozhestvennoj literature i perevod v kontekste globalizatsii. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, № 21, s. 51–55.

Federal'nyj zakon ot 24 dekabrya 2010 g. “O zashchite detej ot informatsii, prichinyayushchej vred ikh zdorov'yu i razvitiyu”. (2010) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102144583> (data obrashcheniya 27.09.2024).

Boyarkina, A. (2016) Tabu bei den Übersetzungen von Mozarts Briefen ins Russische. In: J. Lebedewa (ed.). *Tabu und Übersetzung*. Berlin: Frank & Timme GmbH Publ., pp. 187–194.

Gneisinger, E. (2024) “Solch Blödsinn” — Landwirte sauer auf Anke Engelke wegen neuem Kinderbuch. [Online]. Available at: https://m.focus.de/kultur/stars/solch-bloedsinn-landwirte-sind-wegen-kinderbuch-sauer-auf-anke-engelke_id_259770163.html (accessed 27.09.2024).

Verlag streicht N-Wort aus «Jim Knopf»-Büchern. (2024) *Spiegel Kultur*. [Online]. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/jim-knopf-von-michael-ende-thienemann-verlag-streicht-n-wort-aus-neuauflage-a-1fcc6242-fdff-483a-ab71-7763e31bd318> (accessed 27.09.2024).

Ost-West-Express. *Kultur und Übersetzung*. (2024) [Online]. Available at: https://www.frank-timme.de/de/programm/reihe/ost-west-express-kultur_und_uebersetzung (accessed 27.09.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОЯРКИНА Альбина Витальевна — *Albina V. Boyarkina*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Санкт-Петербургская государственная консерватория, Санкт-Петербург, Россия.

Saint-Petersburg State Conservatoire, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [2378-9873](https://orcid.org/0000-00003-3619-5885), ORCID: [0000-00003-3619-5885](https://orcid.org/0000-00003-3619-5885), e-mail: al.bojarkina@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода РГПУ им. А. И. Герцена, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургской государственной консерватории.

ВЕСЕЛОВА Наталия Вячеславовна — *Natalia V. Veselova*

Центр изучения немецкого языка Deutsch-Zentrum, Санкт-Петербург, Россия.

German Language Center Deutsch-Zentrum, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0009-0008-3962-8918](https://orcid.org/0009-0008-3962-8918), e-mail: veselovanv@mail.ru

Преподаватель немецкого языка.

СМОЛОНОГИНА Елена Анатольевна — *Elena A. Smolonogina*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [6933-0951](https://orcid.org/0000-0001-6248-1442), ORCID: [0000-0001-6248-1442](https://orcid.org/0000-0001-6248-1442), e-mail: easmolonogina@herzen.spb.ru

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии.

ЧЕРТОВСКАЯ Виктория Львовна — *Victoria L. Chertovskaya*

Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского, Санкт-Петербург, Россия.

Central City Public Library named after V. V. Mayakovsky, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0009-0000-4088-0872](https://orcid.org/0009-0000-4088-0872), e-mail: v.chertovskaya@cspb.ru

Заведующая читальным залом.

Поступила в редакцию: 29 сентября 2024.

Прошла рецензирование: 3 декабря 2024.

Принята к печати: 9 декабря 2024.